

ОТРИЦАНИЕ, ВСТРАИВАНИЕ, ПОСТЕПЕННОЕ ЗАБВЕНИЕ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОВЕТСКОМУ НАСЛЕДИЮ В ГРУЗИИ, АРМЕНИИ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ¹

А.А. Токарев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В год столетия Октябрьской революции автор обращается к вопросу влияния советского наследия на национальное и государственное строительство в государствах Южного Кавказа. В исследовании постулируются явные различия между изучением постколониализма и постсоветского пространства, в связи с чем предлагается авторская операционализация изучения «имперского наследия». На основании исследования численности русских как основной образующей «советского народа», статуса русского языка, специфики институциональной традиции, особенностей символической политики государств (памятников, архитектуры, советских государственных символов, иерархии воинских званий) и политических практик (специфика функционирования партийных систем, тип суверенитета, уровень свободы слова и политической конкуренции) сравниваются Азербайджан, Армения и Грузия.

В трёх очень разных постсоветских государствах, по-разному выходящих из СССР, и использовавших эти события для конструирования национальных нарративов в соответствии с собственными представлениями о траекториях развития, автор находит повторение отдельных элементов советской системы. Даже несмотря на дискурсивное и символическое отрицание советского и промотирование антисоветского в той или иной степени во всех трёх государствах, каждое из них, находясь под влиянием советского наследия, создаёт уникальные примеры сочетания «постсоветских советских» феноменов. Ни одно из государств не предлагает «чистый» тип отношения к советскому: только отрицание или только инкорпори-

УДК 323.172, 323.111, 321.013

Поступила в редакцию 17.08.2017 г.

Принята к публикации 09.10.2017 г.

¹ Автор благодарит за ценные критические замечания к тексту Сергея Маркедонова, Николая Силаева, Адлана Маргоева, Ивана Фомина, Вадима Муханова, Александра Караваева, Майю Урушадзе, Александра Скакова, Анатолия Савченко, Звиада Авалиани, Давида Петросяна.

рование. Разница между странами состоит в соотношении про- и антисоветских элементов. В большей степени просоветский нарратив сохраняет Азербайджан, использующий, с одной стороны, советскую практику культа личности, с другой, совершенно несоветскую (восточную) традицию династической передачи власти, оформленную президентскими выборами. Политическая практика Армении, с одной стороны, включает упоминание о советской Армении, как о второй республике, отличая её таким образом от южно-кавказских соседей, ведущих институциональную традицию от демократических республик периода Гражданской войны. На фоне конкурентных выборов и свободных медиа, просоветский нарратив Армении дополняется стремлением политического класса создать систему с доминирующей партией, сохраняя формальную электоральную конкуренцию. В это соединение советских символов (Армения не проводила системную декоммунизацию) и политических практик причудливо вплетается образ Гарегина Нжде как «отца нации», в СССР фактически обвинённого в сотрудничестве с Третьим рейхом. Наконец, Грузия, в максимальной степени пытающаяся расстаться с Советским Союзом на символическом уровне, сильно продвинулась в строительстве формальных демократических институтов, но в реальности управляется по-прежнему в рамках неформальных процедур, на что дискурсивная и символическая декоммунизация не повлияла в принципе.

В исследовании используются данные национальных переписей, социологических исследований, тексты официальных документов и, подчеркнём особо, бесценный опыт включённого наблюдения за символической политикой во всех трёх странах.

Ключевые слова: распад СССР, советское, государственное и национальное строительство, Азербайджан, Армения, Грузия.

Поиск ответа на вопрос «в рамках какой парадигмы рассматривать распад СССР?» влечёт за собой постановку других: каким по типу государством был Советский Союз? Как следует называть «после-советский» мир и «после-советское» пространство? Наиболее популярные ответы на первый вопрос уже несколько десятилетий дают западная политическая наука и международные отношения, рассматривая распад СССР в рамках Postcolonial Studies и расставляя логические акценты по своим местам: мир стал постколониальным, СССР – распавшаяся империя, потерявшая колонии, искавшие суверенитета и попытавшиеся в силу исторического момента стать национальными государствами. Всемирный процесс распада включает в себя через запятую Британскую, Французскую, Испанскую, Португальскую, Нидерландскую империю и, с оговорками о сухопутном характере, СССР [11, р. 19]. Тарас Кузьо, например, прямо пишет о «последней империи, завершившей распад колониального мира..., осуществлявшей в колониях те же практики, что прочие империи в Ирландии, Азии и Африке». И в обратном смысле: «политика постсоветских государств идентична политике постколониальных государств, поскольку они также пытаются избавиться от колониального наследия» [6, р. 243]. Я думаю,

что не только это высказывание, но и вся парадигма исследования постсоветского как постколониального весьма спорны. Собственно, нельзя сказать, что на Западе нет дискуссии: «Является ли «пост-» в постколониальном тем же, что и «пост-» в постсоветском?» – задаётся вопросом Дэвид Мур, объясняя «глобальную критику постколониализма» [10, p. 111].

Общая логика, в рамках которой западные учёные воспринимали распад СССР, сводится к исследованию 3-4 транзитов (triple-quadruple transition): от институтов провинций или колоний империи к суверенно-государственным, от командной экономики к рыночной, от коммунистической системы к демократической, от имперской идентичности к национальной [7; 9; 12]. Именно постсоветское пространство позволило заметить, что транзит как выход из авторитарной точки отнюдь не означает финиш в демократической, хотя до сих пор встречаются академические работы, исследующие регион в рамках линейной парадигмы с постановкой исследовательского вопроса «почему демократия не приживается на Кавказе?» [3, p. 8]. В отношении третьего – режимного – транзита на рубеже веков заговорили с критикой в адрес концепции «третьей волны демократизации», начавшейся в 1974 г., в общем виде провозгласили «конец парадигмы транзита» (термин Т. Карозерса), но и описание постсоветских транзитов как «четвёртой волны демократизации» натолкнулось на объективные препятствия: какие уж демократизации в Азербайджане, Туркменистане, Узбекистане и Казахстане? Линейную логику перехода сменила разновекторность развития, формирование гибридных режимов и множества «демократий с прилагательными», режимная консолидация [5; 8]. Я уверен, для «постимперского транзита» придётся точно также вырабатывать новый дискурс и новую методологию, как это произошло с «режимными транзитами». Как минимум, используя поисковую систему «Гугл.Академия» на русском и английском языках, я не нашёл специализированных трудов, посвящённых постсоветскому Южному Кавказу с исследованием советского наследия. Существующие работы, включая 2016-2017 гг., по-прежнему развивают концепты Postcolonial Studies.

Если СССР и был империей, то совсем неклассической. Во-первых, если считать РСФСР метрополией, союзные республики провинциями, то кого воспринимать в качестве колоний? Вьетнам, Анголу и Кубу? Является ли материально-техническая и военная помощь, участие в гражданских войнах на одной их сторон, использование территорий для военно-стратегических плацдармов колонизацией? Думаю, следует ставить вопрос так: СССР использовал Кубу для создания паритета с США, или наоборот, Куба использовала страхи отстававшего по числу носителей СССР, получив многомиллиардные вливания, которые в итоге так и не вернула, и защиту патрона от американской агрессии? Во-вторых, СССР не пытался создать наднациональное содружество по типу Британской короны. Коммунистический проект был гораздо более широким, в полной мере рассчитанным на завоевание полумира, а то и всего, после того, как «мы вас похороним». В-третьих, будучи федеративным государством по своему типу (пусть

формально и провозглашающим право субъектов на выход), СССР предлагал равные права гражданства всем без исключения – от Эстонии до Туркменистана, т.е. делал то, чего не делают империи в пределах своих провинций. Всё же западные авторы исследуют «империю, навязывавшую идентичность... Кавказу, где до XX в. никакой общей идентичности не было – лишь культурное разнообразие многочисленных народов» [14, р. 28]. Российский историк Алексей Миллер прекрасно описал важность советского проекта для народов, которые на Западе, как правило, воспринимают как угнетённые, поставленные в подчинённое положение русскому. «...Когда гуляешь по зоопарку и неожиданно из клетки выскочил тигр, главное – вовремя найти свободную клетку и туда спрятаться. Это к вопросу о тюрьме народов. Империю можно называть тюрьмой народов, но она ещё защищает от внешних воздействий. Для грузин и армян российская тюрьма народов прежде всего выполняла эту функцию»². Пытаясь создать внеэтническую общность – советский народ – СССР становился территориальным государством, государством-нацией, но опять же не империей, которая стремится не к равенству граждан (равенство с туземцами и аборигенами непредставимо), а развивает метрополию за счёт провинций и колоний. Выдающаяся роль советского проекта состоит в цивилизаторстве, прежде всего, в Средней Азии. Чтобы понять это, достаточно посетить национальные музеи Таджикистана, Казахстана и Киргизии и посмотреть на экспозиции до и после начала советского периода. С другой стороны, о каком цивилизаторстве может идти речь в государствах Балтии? В-четвёртых, само качество «провинций» (в терминах постколониального дискурса) таково, что они требуют объединения в регионы при анализе: Прибалтика, славянские государства плюс Молдова, Кавказ, Средняя Азия. Это разрушает традиционную для постколониалистов, исследующих постсоветскость, логику о наличии старших и младших братьев и естественных попыток вторых избавиться от наследия первых через вытеснение фрустрации. Внутри каждого из регионов вполне можно говорить о «родственных» отношениях: малороссы, конечно, подчинены великороссам, что следует из названия. В данном случае вполне можно рассуждать и об имперских комплексах обоих народов, и о постимперской травме [13]. Армяно-азербайджанская ненависть, узбекско-киргизская неприязнь, часто натянутые отношения внутри Казахстана между северянами и южанами – дробление продолжается, но о каких родственных отношениях можно говорить в случае армяно-российских, украинско-грузинских, литовско-казахских отношений? Причина антисоветскости в каждом регионе будет своя – общая логика постколониализма не будет здесь работать. В-пятых, магистральный подход *postcolonial studies* по-прежнему воспринимает Кавказ как постимперский единый регион. На общей карте до сих пор отображают Чечню как «сепаратистскую территорию... наравне с «Аджарией, Мегрелией, Самцхе...», склонную к отделению» [4, р. 5-6]. В подобных ра-

² Миллер А.И. Почему все континентальные империи распались в результате Первой мировой войны [Электронный ресурс]. <http://www.polit.ru/article/2006/04/11/miller2/> (дата обращения: 1.08.2012)

ботах хотя и имеются ссылки на террористические акты как недопустимые методы борьбы и упоминается, что из всех постсоветских чеченские войны были самыми кровопролитными, по-прежнему можно увидеть дискурс о «борьбе за независимость... примерно такой же, какая двигалась устремлениями прибалтов, армян или грузин» [15, р. 70]. Как исследователь, подробно изучавший сепаратизма и модели реинтеграции, могу с уверенностью сказать, что чеченский кейс – безусловно, самый успешный на постсоветском пространстве. В этом смысле отождествление регионов при сравнении, помещение нынешней Чечни в один ряд, например, с суверенными Абхазией и Южной Осетией, означает либо непрофессионализм, либо излишнее стремление к сохранению неработающей методологической рамки Postcolonial Studies, унифицирующей реальность в схеме «метрополия борется за сохранение провинций и колоний».

Исходя из этих пяти пунктов, я пробую предложить методологию для исследования постсоветского, а не постколониального. Возможно, сам термин «империя» как обозначение могущественной политики, способной действовать далеко за пределами своей территории, следует использовать как синоним «сверхдержавы», предлагающей альтернативный западно-капиталистическому проект. Кроме того, в отношении СССР следует говорить о центр-периферийных отношениях внутри страны (в крайне случае – о метрополии и провинциях). Отождествлять советско-кубинские отношения с франко-гвианскими мне кажется натянутым.

Отношение каждого постсоветского кавказского государства к общему прошлому можно было бы описать словами, вынесенными в заглавие, но реальность видится сложнее. Грузинское отрицание, армянское встраивание и азербайджанское забвение обозначают лишь магистральные и, что гораздо важнее, публичные тренды государственных политик, которые, во-первых, компенсируются общественными, во-вторых, не являются статичными, а меняются под влиянием конъюнктуры, в-третьих, конечно, не описывают всего многообразия процессов государственного и национального строительства, идущих в странах Южного Кавказа³ и включающего про- и антисоветские нарративы. В каком ценностном и институциональном состоянии находится кавказская часть постсоветского пространства? Насколько характеристика «постсоветскости» отвечает реалиям трёх государств? Является ли «постсоветскость» признаком не только географическим (территория бывшего СССР) и темпоральным (то, что существует после 1991 г.), но и качественным – насколько государства Южного Кавказа являются после-советскими, т.е. создавшими по-настоящему новые модели государственности и политического процесса?

Для ответа на общий исследовательский вопрос «как советское наследие влияет на национальное строительство посредством стратегий использования/

³ Республики Абхазия и Южная Осетия я сознательно исключаю из анализа, несмотря на признание со стороны России в качестве суверенов. Частично признанные государства, по нашему глубокому убеждению, требуют отдельной методологической рамки для анализа госстроительства.

игнорирования/отторжения государственным акторами?» я предлагаю методологию, апробированную в рамках проекта «25 лет без СССР», который был придуман для журнала «Коммерсантъ.Власть»⁴. Ниже все три казуса я сравню по следующим параметрам:

1) Русские: численность меньшинства как государствообразующего народа СССР.

2) Язык: сколько государственных языков, какой статус у русского языка?

3) Длина институциональной традиции: какому государству суверенная постсоветская республика провозглашает преемственность?

4) Государственная символическая политика: воспроизводятся ли полностью или частично советские образы, награды и паттерны в официальных символах? Сохранились ли государственные праздники советского времени? Как представлен советский период истории в государственных исторических музеях, есть ли музеи советской оккупации?

5) Советские управленческие практики: в какой степени воспроизводятся?

1) В Армении, согласно переписи⁵ 2011 г. (см. табл. 1)⁶ [4] 0,39 % проживающих людей назвали себя русскими. Это второе по численности меньшинство (после езидов – 40 000) более чем в 13 000 чел. из 3 млн 019 тысяч населения страны. После распада СССР (перепись 1989 г.) численность русских сократилась ровно в четыре раза. В Азербайджане⁷ русские (1,3 %) составляют третью по численности общину после азербайджанцев (91,6 %) и лезгин (2 %), при этом это самая крупная община на Южном Кавказе, хотя её численность и упала по сравнению с 1989 г. в 3,3 раза⁸. В Грузии число русских упало с 6,32 % в 1989 до 0,71 % (26,5 тысяч) в 2014 г. – падение в девять раз. Русские составляют третье меньшинство после азербайджанцев и армян⁹. В отношении всех русских общин Южного Кавказа можно сказать, что они успешно интегрированы в политические нации и не испытывают гонений, имевших место в 90-е. То же во всех казусах наблюдается в отношении русских/русскоязычных туристов. Массовые фрустрации, связанные с гражданством, т.е. с нацией, но не этносом, можно

⁴ Токарев А.А. 25 лет без СССР [Электронный ресурс]. Коммерсантъ. Власть. №16. 2016. <https://www.kommersant.ru/doc/2972009> (дата обращения: 27.08.2017).

⁵ По отношению к сравнению переписей, прежде всего, необходимо сделать оговорку. Очевидно, что сравнивать страны с изменившимися территориями сами с собой некорректно: Грузия со времён последней союзной переписи 1989 г. лишилась Абхазии и Южной Осетии, Азербайджан – Нагорного Карабаха и нескольких прилегающих районов. Я оставляю этнический фактор для анализа, как минимум, чтобы верифицировать вывод о том, что фактор наличия русской диаспоры больше не влияет на национальное и государственное строительство.

⁶ Население по стране гражданства, статусу проживания, полу и возрасту [Электронный ресурс]. <http://armstat.am/file/doc/99484933.pdf> (дата обращения: 27.08.2017).

⁷ Национальные статистические службы Азербайджана и Грузии не предоставляют данных по этническому составу населения: Demographic indicators [Электронный ресурс]. <http://www.azstat.org/MEsearch/search?departament=21&lang=en> (дата обращения: 27.08.2017); Main Statistics. Population [Электронный ресурс]. http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=152&lang=eng (дата обращения: 27.08.2017).

⁸ Azerbaijan. People and Society [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/aj.html> (дата обращения: 27.08.2017).

⁹ Demographic and social characteristics [Электронный ресурс] <http://census.ge/en/results/census1/demo> (дата обращения: 27.08.2017).

встретить применительно к внешней политике. Азербайджанцы и армяне очевидным образом задают вопросы «почему Россия поддерживает нашего главного врага?» (имеется в виду апрельское обострение 2016 г. в НКР), а грузины упоминают войну 2008 г. и отколовшиеся признанные Россией РА и РЮО, опять же, не распространяя эти претензии на конкретно русских.

Таблица 1. Динамика численности населения
Table 1. Population dynamics

Республика и год переписи	% от общей численности населения	чел.	изменение
АзССР 1989	5,6	392 304	<3,3
Азербайджан 2009	1,3	119 300	
АрмССР 1989	1,54	51 555	<4
Армения 2011	0,39	13 351	
ГССР 1989	6,32	341 172	<9
Грузия 2014	0,71	26 500	

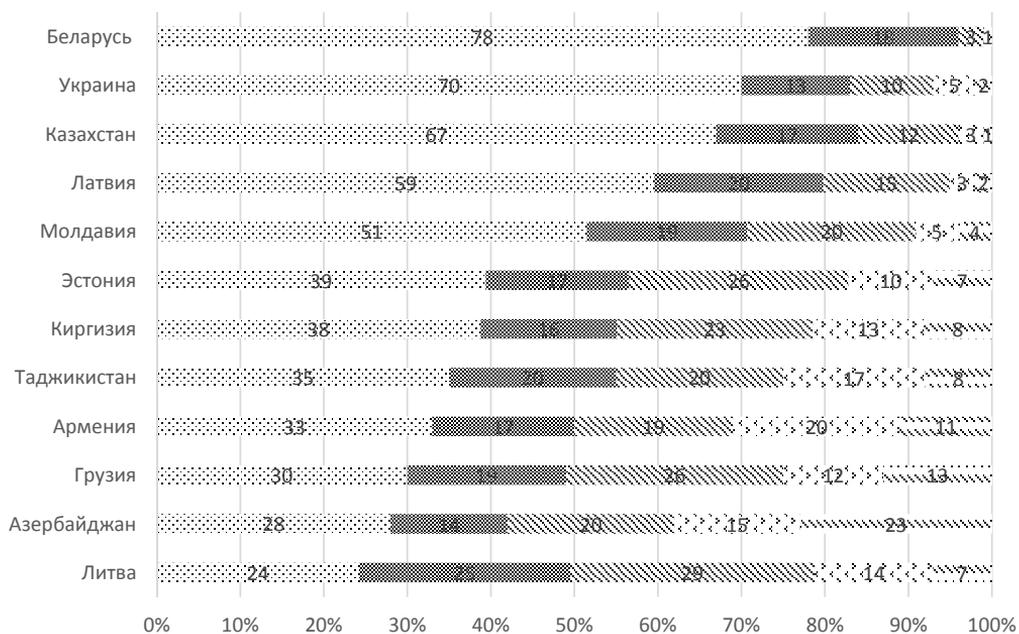
2) Статус русского языка во всех трёх странах не определён конституционно, но Армения и Грузия, ратифицировавшие рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств, признают русский языком русского меньшинства. Кроме того, во всех трёх странах русский фактически играет роль языка межнационального общения. В Армении, в отличие от кавказских соседей, использование русского на бытовом уровне, в т.ч. русскими гражданами страны и русскоязычными туристами, не затруднено в принципе. Русский в гораздо больших объёмах присутствует в общественных местах: в ереванском метро все надписи дублируются на русском, что невозможно представить в тбилисском или бакинском. В Азербайджане, замечу, имеется российское образовательное присутствие – филиал МГУ в Баку, а также популярные русскоязычные медиа. При этом уровень бытового знания русского, очевидно, гораздо ниже, чем в Армении.

Поскольку в данных национальных переписей отсутствуют лингвистические аспекты, я обратился к результатам социологического проекта фонда «Наследие Евразии» (см. табл. 2 – 6)¹⁰. В рамках исследования «Русский язык в новых независимых государствах» на постсоветском пространстве изучалась самооценка гражданами ННГ уровня владения русским языком (в материалах отсутствуют Туркменистан и Узбекистан).

В Азербайджане было зафиксировано наихудшее владение русским языком – с 23 % ответов «не знаю русский язык» страна обгоняла не только соседей, но и все постсоветские государства. 28 % знали русский свободно, что было вторым с конца показателем. Грузия и Армения с 30 и 33 %, соответственно, шли на третьем и четвертом месте с конца.

¹⁰ Гаврилов К. Русский язык на постсоветских просторах [Электронный ресурс]. http://www.polit.ru/research/2008/04/30/demoscope329_print.html (дата обращения: 27.08.2017).

Таблица 2. Уровень свободного владения русским
Table 2. Level of fluency in Russian

Насколько свободно Вы лично владеете русским языком?

- ☑ Свободно говорю, пишу и читаю на русском языке
- ▣ Свободно говорю и читаю, но пишу с ошибками
- ▨ В принципе, смогу объясняться с людьми, говорящими по-русски
- ⋯ Понимаю язык, но сам не говорю
- ⊖ Не знаю русский язык

Таблица 3. Язык общения в семье
Table 3. Language of communication in a family

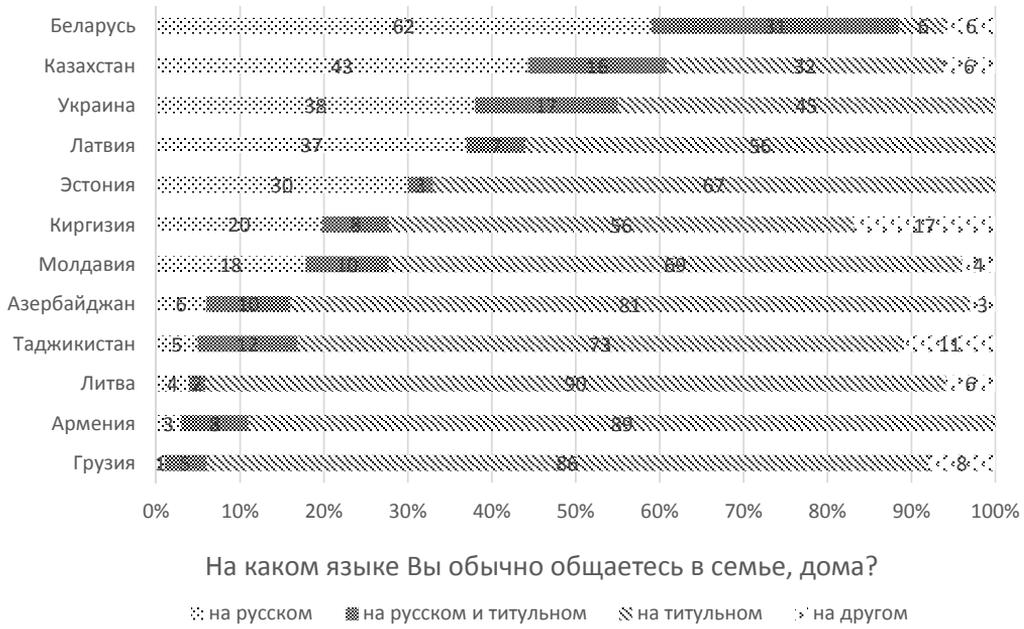

Таблица 4. Язык общения на работе
Table 4. Language of communication at work

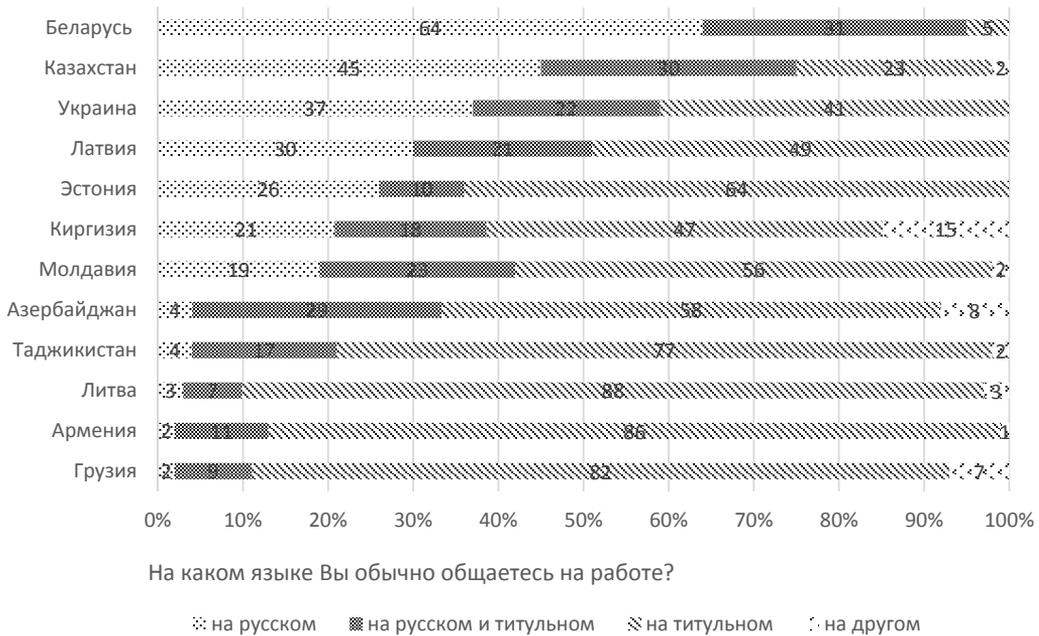
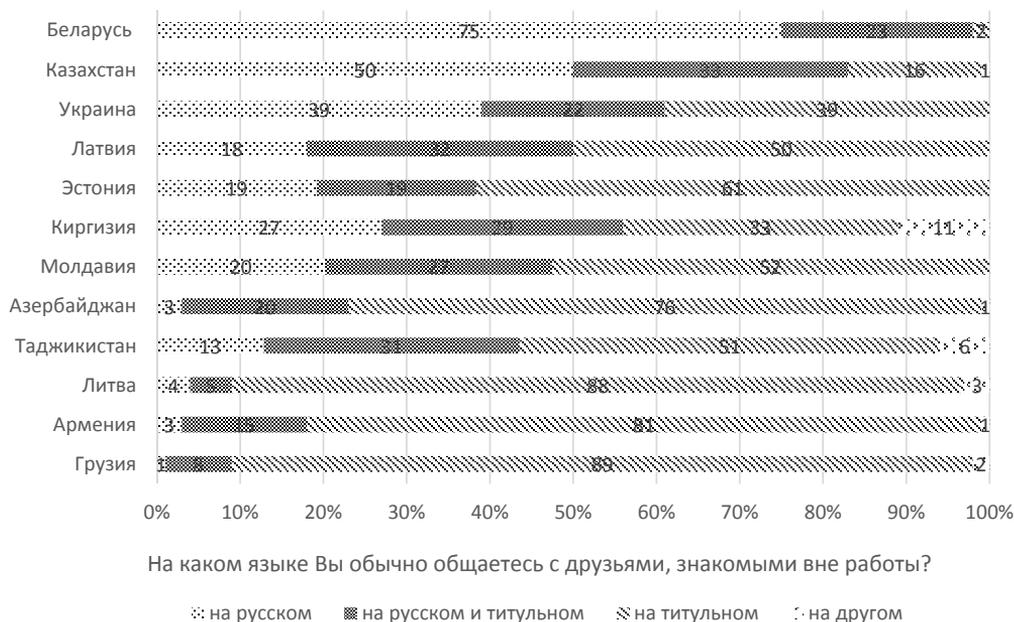
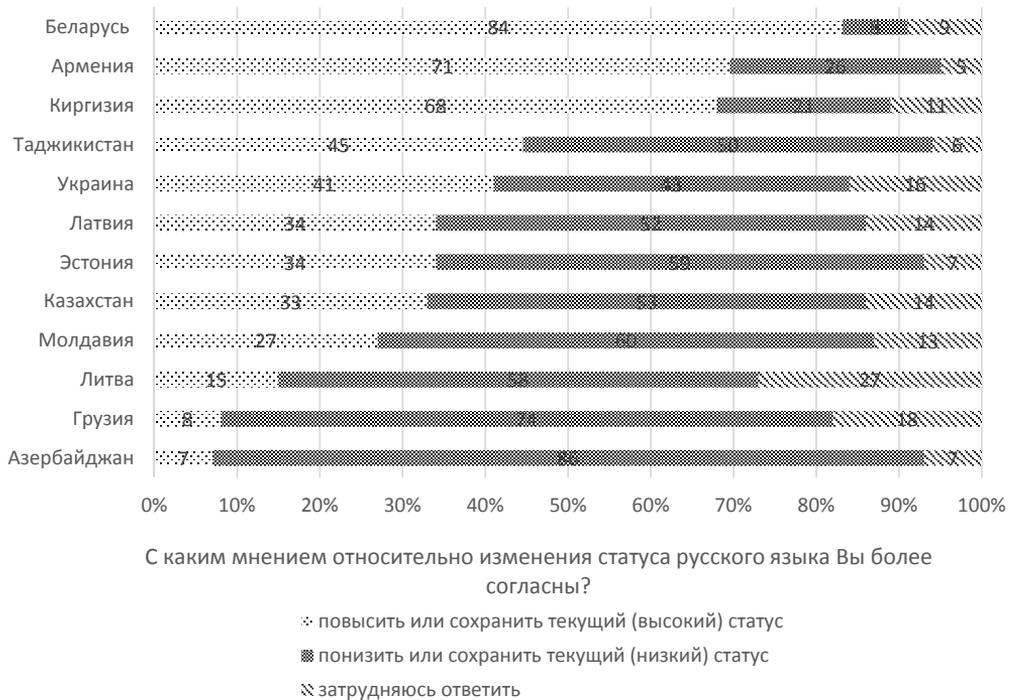

Таблица 5. Язык общения вне работы
Table 5. The language of communication outside work

Грузия и Армения находились на последних местах по использованию русского в трёх пространствах: в семье, на работе и в общении с друзьями. Азербайджан был везде пятый с конца. Единственная иерархия, в которой кавказская тройка находилась на разных полюсах, представлена в таблице, показывающей отношение к статусу русского. Грузия и Азербайджан более других постсоветских стран хотели понизить или сохранить существующий низкий статус русского. Армения наоборот уступала лишь Беларуси в желании повысить его статус. Т.е. в целом все три страны попадали в группу самого слабого распространения русского (с примкнувшими к ним Литвой и Таджикистаном). При этом Армению статус-кво не устраивал сильнее.

Таблица 6. Мнение о статусе русского языка
Table 6. Opinion on the status of the Russian language

3) Азербайджан и Грузия провозглашают преемственность демократическим республикам, возникшим в мае 1918 г. в процессе распада Российской империи, и игнорируют советский период. Азербайджан и Армения восстановили государственные символы первых республик. Только Армения включает советский период в официальный список форм государства, считая Армянскую ССР – второй, а постсоветскую Армению – третьей республикой. Грузия жёстко исключает Грузинскую ССР из описания собственно грузинской государственности. К примеру, в ролике Нацбанка об истории денег в 1921 г. банкноты и монеты заканчиваются, возникая лишь в 1995¹¹ – судя по видеоряду, между ними в Грузии денег не было. Азербайджан также провозглашает преемственность второй республике. Официоз подчёркивает, что АДР является первым светским демократическим государством исламского мира, а также первым мусульманским государством, где женщины имели избирательные права – это наследие Азербайджан несёт как некий идеальный образ.

4) Армения в наибольшей степени сохраняет советское символическое наследие – в отличие от Грузии и Азербайджана, сменивших пятиконечные звёзды на погонах силовиков на семи- и восьмиконечные, соответственно. Восьмиконечная звезда заменяет собой советскую символику и на азербайджанских зда-

¹¹ The History of Georgian Money [Электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=R46IA49QG6Q> (дата обращения: 27.08.2017).

ниях, иногда причудливым образом: барельефы советских знамён сохранены, но серп и молот удалены с них. Советская красная звезда, напротив, используется в рекламе – её сакральное значение, сохраняющееся в России и Беларуси, очевидным образом потеряно. В Армении пятиконечную звезду по-прежнему можно встретить на решётке у здания парламента и шпиле вокзала в Ереване. Все государственные символы Армянской ССР сохранены на ДOME правительства.

Силовые структуры Грузии перешли на НАТОвские стандарты званий с капралами вместо младших сержантов, вице-полковниками вместо подполковников и бригадными генералами вместо генерал-майоров¹². В азербайджанской армии звания остались прежними – советские аналоги сменились названиями на национальном языке за исключением подполковника, называемого на западный манер полковник-лейтенант¹³. В Армении и звания, и погоны (включая расположение пятиконечных звёзд) остались неизменными по сравнению с советскими¹⁴.

Гораздо большее значение в Азербайджане имеют памятники, посвящённые различным «зверствам армян». Главный военный мемориал в Баку совмещает сразу три эпохи: досоветскую, советскую и антисоветскую. Аллея шахидов представляет собой захоронение жертв событий 20 января 1990 г., когда советские войска подавляли волнения, и Карабахского конфликта. На одном конце аллеи – вечный огонь, на другом – памятник советскому генерал-майору танкисту Ази Асланову и рядом с ним – памятник турецким воинам, погибшим в боях с бакинской коммуной в 1918 г. При этом памятники, связанные с Великой Отечественной войной, подновляются. Их поддерживают, скорее, по традиции, нежели в связи с особым символическим значением. Хотя в количественном отношении советских военных памятников в Азербайджане значительно больше, чем в Армении и Грузии. От Астары до Балакена можно увидеть их в целом в неплохом состоянии. Отреставрированный «дом из бутылок» с портретами советских воинов в Гянже – исключение. Крайне интересный казус можно наблюдать в городе Шемахи. Орден Победы снят со стороны памятника, обращённой к дороге, но оставлен на тех двух, которые не видно. Фронт стелы содержит мозаичное изображение карты Азербайджана, нанесённое, если приглядеться, поверх барельефов, посвящённых войне. Этот казус в целом отображает специфику мемориализации Великой Отечественной войны: памятники не сносятся, но находятся в подчинённом положении по отношению к Карабахскому конфликту и национальной символике.

Армянская постсоветская традиция, напротив, совмещает две войны. 9 мая имеет в стране особое значение не только в рамках общесоветского праздни-

¹² Воинские звания Грузии [Электронный ресурс]. https://m.sputnik-georgia.ru/infographics/20161102/233695162/voinskie-zvania-v-gruzii.html?mobile_return=no (дата обращения: 27.08.2017).

¹³ Униформа сухопутных войск Вооружённых сил Азербайджана [Электронный ресурс]. <http://uniforma-army.ru/azerbajdzhan-armija.php> (дата обращения: 27.08.2017).

¹⁴ Воинские звания в Вооружённых силах Армении [Электронный ресурс]. <https://ru.armeniasputnik.am/infographics/20170128/6215775/voinskie-zvaniya-v-vooruzhennyh-silah-armenii.html> (дата обращения: 27.08.2017).

ка, но ещё и как особо отмечаемый армянами день взятия Шуши в Нагорном Карабахе. Главный военный монумент – Мать-Армения на горе в Ереване, в его основании находится музей Министерства обороны, посещение которого обязательно для призывников. Экспозиция, посвящённая Великой Отечественной и армянскому взгляду на Карабахский конфликт, – в печальном состоянии, как и монумент мать-Армения в Гюмри. В целом дискурс о войне, трагедии и жертвах в Армении – это, прежде всего, упоминания геноцида 1915 г. и войны в Карабахе и лишь во вторую очередь Второй мировой войны. Год назад власти Еревана поставили памятник идеологу и военному деятелю первой республики Гарегину Нжде, в эмиграции сотрудничавшему с Третьим рейхом (в один день с ним был открыт памятник маршалу Бабаджаняну). К Нжде возводит свою идеологию правящая республиканская партия (о нём пишут диссертации историки и философы, его цитируют чиновники, изображая как отца-основателя). Фигура Нжде обозначает национальный и, безусловно, антисоветский нарратив. При этом в центре Еревана сохраняются памятники, топонимы и музеи, посвящённые военным и гражданским деятелям советской эпохи. Таким образом, Армения формирует собственный национальный нарратив, включающий, как советские, так и антисоветские части.

Грузия в символическом смысле отрицает советский период. Самый известный случай борьбы с советским наследием имел место в Кутаиси, где при Михаиле Саакашвили был снесён мемориал советским воинам для строительства здания парламента. В 2012 г. власти демонтировали памятник советским воинам в Батуми. Главный мемориал страны в тбилисском районе Ваке ещё сохраняет советские скульптуры, но вечный огонь не горит. По стране можно найти советские памятники, и в частности памятники Великой Отечественной войне, но они имеют печальный вид. Советская символика сохраняется в доме-музее в Гори и музее боевой славы в 500 м от него. Характерная черта противоречия советского и постсоветского дискурсов – надписи в музеях: сделанные на русском ещё до распада СССР они употребляют термин «Великая Отечественная война», сделанные на английском в середине 2000-х они содержат термин «Вторая мировая война». Аналогичная особенность наблюдается, например, на входе в главный военный мемориал Украины, входная группа которого содержит цифры на барельефе «1941-1945», а текст на английском повествует о «WWII 1939-1945».

Грузия – единственная из стран Южного Кавказа, где есть музей советской оккупации. Он представляет собой пропагандистскую, далёкую от историографической точности экспозицию, не имеющую ничего общего с музейным делом. Несмотря на то, что в реальности это лишь один из залов национального музея, в тёмное чрево которого ведёт указующий перст нарисованного на стене молодого Сталина, в тбилисском метро на указателях прописывается именно Soviet Occupation Museum. Представители грузинских властей и НКО часто извиняющимся тоном говорят о существовании «музея», подчёркивая, что его органи-

зовывали при власти ЕНД в момент жёсткого обострения отношений с Россией. Однако музей продолжает принимать посетителей и после ухода партии Михаила Саакашвили в оппозицию.

Армянский и азербайджанский президенты несколько раз приезжали на парад 9 мая в Москву. Представить участие грузинского руководства в официальной церемонии невозможно по причине отсутствия дипотношений между нашими странами. У каждой из трёх стран в общественном сознании есть феномен поиска своих собственных национальных паттернов в общесоветской победе. В случае Грузии – это, конечно, Иосиф Сталин и Мелитон Кантария, армяне говорят о пяти высших военачальниках – этнических армянах и вспоминают танец кочари у стен Рейхстага, а в Азербайджане при обсуждении Великой Отечественной крайне популярна фраза «ну, что бы вы выиграли без бакинской нефти?» (официальная пропаганда промотирует тот же тезис) [1]. Официальные СМИ Азербайджана разделяют советское на три ипостаси: давление советской власти как негативный фактор в отношении национального строительства, общая трагедия Великой Отечественной и положительный образ всего, что связано с советской карьерой Гейдара Алиева («он работал в Кремле» – за рамками понимания того, кем и когда, – самая частая характеристика из уст экскурсоводов в центрах Алиева по всей стране).

Из советских государственных праздников (см. табл. 7) в Грузии, Армении и Азербайджане остались 1-2 января, 8 марта и 9 мая (в Армении ещё и 1 мая – День труда). Две последних страны отмечают дни республики 28 мая, Грузия – 26. Во времена Звиада Гамсахурдиа альтернативу 8 марта нашли в виде Дня матери, который до сих пор отмечается 3 марта и является нерабочим днём. Государственный праздник Азербайджана – День национального спасения азербайджанского народа (15 июня – Гейдар Алиев в 1993 г. вернулся к руководству). В некотором смысле антисоветским можно назвать День национального возрождения 17 ноября – в 1988 г. в Баку проходили массовые антисоветские выступления, разогнанные войсками. Явно несоветским (хотя и не антисоветским) является День ВС Азербайджана 26 июня, установленного в честь создания в 1918 г. отдельного азербайджанского корпуса, переименованного из мусульманского. Кроме того, 31 декабря отмечается День солидарности азербайджанцев всего мира в честь разрушения в 1989 г. советско-иранской границы, после чего тысячи азербайджанцев СССР и Ирана поспешили пересечь Аракс для братания. В Азербайджане и Армении существуют дни независимости (18 октября и 21 сентября, соответственно). В Грузии главный праздник – День независимости совпадает с Днём республики. Кроме того, как и в Азербайджане есть отдельный праздник, посвящённый борьбе с подавлением советскими войсками антисоветских выступлений – День национального единства 9 апреля (в честь событий в Тбилиси в 1989 г.). «Перефразируя Карла Яспера, этот день можно назвать «осевым» для всей постсоветской истории Грузии, – пишет кавказовед Сергей Маркедонов. – Именно тогда Грузия перестала быть «братской социали-

стической» [2]. Напрямую в Грузии говорится о советской оккупации, для чего введён специальный государственный праздник – 25 февраля (в 1921 г. в этот день Красная Армия вошла в Тбилиси). После смены правительства Михаила Саакашвили и курса на максимально возможную в условиях «оккупации» нормализацию отношений с Россией праздник начали отмечать с меньшей помпой, но не отменили. Грузинскую «празднично-мемориальную политику разрыва с советским и имперским прошлым» Маркедонов называет наиболее последовательной.

Таблица 7. Государственные праздники стран Южного Кавказа¹⁵
Table 7. Public holidays of the countries of the South Caucasus

	Советские	Несоветские	Антисоветские
Азербайджан	1-2 января, 8 марта и 9 мая. (В Армении – 1 мая).	День национального спасения азербайджанского народа, День ВС, День солидарности азербайджанцев	День республики, День независимости, День национального возрождения
Армения			День республики, День независимости
Грузия		День матери	День советской оккупации, День независимости, День национального единства

Таким образом, все три государства инкорпорируют в официальный календарь как просоветские, так и антисоветские праздники, сохраняя двойственный паттерн отношения к советскому.

5) В наибольшем виде советские управленческие практики повторяет Азербайджан, в наименьшем – Армения. Подчеркнём, что в данном случае делаем вывод о том, что Азербайджан оказался под сильнейшим влиянием советского наследия (и – шире – собственной исторической традиции персоналистской власти). Повторением одной из важнейших практик советского управления стало создание культа личности, хотя династическая передача власти от отца к сыну и от сына – частично жене (невестке отца) – постсоветское изобретение. Отдалённое сходство можно найти в излишней формализации процесса выборов: в СССР не избирали ни формального (председателя президиума ВС), ни реального (генсека) главу государства.

Азербайджанский культ личности, по моей субъективной оценке, является вторым по силе на постсоветском пространстве после туркменского казуса, т.е. безусловно превосходит сакрализацию власти Эмомали Рахмона в Таджикистане (важным отличием является то, что в Азербайджане культ сложился преимущественно после смерти лидера). Кроме того, некоторые объекты культа используются гражданами и являются общественно полезными. В каждом

¹⁵ В таблице представлены не все праздники, а только те, которые относятся к советскому наследию. Религиозные или культурно-исторические государственные праздники не являются предметом нашего анализа.

крупном городе страны есть парки Алиева, являющиеся культурной доминантой городского пространства. В центре парка обязательно размещён памятник Гейдару Алиеву. Кроме парков, в каждом городе функционируют центры его имени. Они похожи на современные аналоги дворцов пионеров с ленинской символикой и кружками для детей, с одинаковой экспозицией, рассказывающей о жизненном пути лидера нации. Типовые памятники – иногда по несколько штук в сотне-двух метров друг от друга – размещены в центрах городов. Билборды с изображением Гейдара Алиева – вдоль трасс и на въезде в населённые пункты. Изображение экс-президента появляется как постоянное дополнение к лейблу сразу нескольких национальных телеканалов. На горе в Балакене стоит похожий до степени смешения с вождём мирового пролетариата памятник. Власти постсоветского Азербайджана пытались создать образ Ататюрка, но у них получился новый Ленин. Российский исследователь современного Азербайджана Александр Караваев пишет: «Современная идеология – это симбиоз гейдаризма (трансформированного советского) и АДР, наследие которой делят между собой и власть, и оппозиция, согласные в том, что главный паттерн – это независимость, т.е. антиимпериализм. Часть советского, работающая в положительном смысле, – это всё, что связано с работой Гейдара Алиева» [1].

Советская практика в формировании официальной идеологии порождает не только формирование правящей династии (в феврале 2017 г. президент, отец которого был президентом, назначил свою жену вице-президентом). Советская традиция продолжается в прямом смысле вместе с жизнью советских функционеров. «Дедушка» Рамиз Мехтиев, глава идеологического отдела ЦК Азербайджана в конце 1980-х, с 1995 г. возглавляет АП.

Свободные медиа в Армении и Грузии, конкурентные выборы в обеих странах, смена власти и оппозиции легальным путём на парламентских выборах, уход глав государств после окончания конституционных полномочий, высокий уровень политического участия, свободы слова и вероисповедания, отсутствие монополии со стороны спецслужб на формирование смыслов и контроля за оппозицией, – всё это делает оба государства в полном смысле пост- – после-советскими.

В Армении сохраняется вероятность «ресоветизации» через оформление правящей партии, похожей на КПСС, глава которой является реальным главой государства, подменяющим по фактическим полномочиям президента и председателя правительства. Демократический фасад сохраняется, в т.ч. из-за необходимости Армении в рамках карабахского конфликта выглядеть более демократичной, чем Азербайджан, и быть более «правильной» для западных доноров, от которых государство по-прежнему зависит. При этом в стране оформляется монополия Республиканской партии – в апреле 2018 г., когда станет ясно, уходит ли президент Саргсян или остаётся, можно будет говорить об окончательной институционализации неокПСС или продолжении транзита. Армянские коллеги сравнивают государство со странами народной демократии: ПНР, ГДР,

БНР, в которых существовала многопартийная система, но распределение мест зависело от мнения правящей партии.

Разница между Арменией и Грузией состоит в том, что во второй сформировался демократический фасад при отсутствии реального народного суверенитета. Несмотря на проведение конкурентных кампаний, критику правительства в СМИ, ротацию власти и оппозиции в парламенте, реальное руководство страной осуществляют лица, не наделённые полномочиями посредством выборов. В этом смысле уровень приватизации государства командой предпринимателя Бидзины Иванишвили, безусловно, отличает Грузию от других постсоветских государств. Вероятно, большая персонализация власти в условиях формально демократических процедур существует только в Молдавии, органы власти которой фактически принадлежат предпринимателю Владимиру Плахотнюку. Иначе говоря, Грузия представляет собой боковую ветвь постсоветского развития: не «ресоветизацию» политического менеджмента в Азербайджане, не его «антисоветизацию» с возможным переходом в «ресоветизацию» в Армении, а никоим образом не похожий на советскую практику госуправления случай.

Проведённый анализ показывает, что включение такой переменной как «этнические русские» неоправданно. Во-первых, как я говорил в начале текста, две из трёх стран Южного Кавказа сильно изменились территориально, что делает сравнения постсоветских переписей с советскими некорректными. Во-вторых, по отношению к Кавказу дискурс российской власти базируется на национально-государственных, а не этнических основаниях (в отличие от той же Украины): сравните «мы будем защищать граждан России» с «мы будем защищать русских». Это значит, что русские не рассматриваются как значимая социальная группа для проведения кавказской политики России. Следовательно, даже апелляция к советскому наследию будет исключать этот нарратив. Собственно, в 2008 г. участие России в операции по принуждению Грузии к миру и оправдывалось наличием российских граждан (этнических осетин и абхазов) на формально грузинской территории. В-третьих, этно-национальных противоречий с русскими резидентами и туристами в странах региона не наблюдается: с одной стороны, русские интегрированы в национальные сообщества, с другой, накал армяно-азербайджанских и грузино-абхазских отношений таков, что на этом фоне сложно увидеть сложности с русскими меньшинствами. Наконец, число этнических русских настолько мало, что едва ли можно говорить о влиянии этого этноса на государственное строительство. Это не отменяет сохранения для анализа переменных русского языка как пока ещё обладающего статусом *lingua franca* или влияния России как крупнейшего актора в регионе на национальные политики. Речь лишь об этничности в этой части постсоветского пространства, в отличие, например, от украинского, молдавского, прибалтийских или части среднеазиатских случаев, данную переменную следует исключить (если и оставлять, то только для постсоветских сравнений в целом).

Русский язык более не имеет устойчивой связи с советским наследием и не обладает формальным статусом. С одной стороны, уровень его распространения среди титульных этносов невысок, и в среде молодых грузин, армян и азербайджанцев русский плавно уступает своё место английскому (причин тому множество: от промотирования западом своих НКО и программ обменов вкупе с российской пассивностью в этой сфере до образовательных стандартов, включающих в Азербайджане и Грузии изучение английского как приоритетного второго языка). С другой, русский язык не воспринимается населением в чёткой взаимосвязи с Россией. Крупных конфликтов на лингвистической почве на Южном Кавказе не было давно¹⁶ – в отличие от столкновений в связи с вопросами территориальной целостности. Можно уверенно утверждать, что в лингвистическом смысле Армения, Азербайджан и Грузия стали подлинно постсоветскими.

При этом советское наследие оказывает сильнейшее влияние на институциональную традицию. Грузия и Азербайджан, если представить их в качестве личностей, в вопросах истоков государственности находятся в состоянии фрустрации по отношению к СССР, стараясь вытеснить существующую память о собственном статусе как ССР. Обе страны провозглашают преемственность демократическим республикам, возникшим в результате распада Российской империи. При этом наблюдается общий для постсоветского пространства тренд игнорирования оформления территорий, с которыми государства подошли к 1991 г., именно в рамках Советского Союза.

Символическая политика трёх государств гораздо менее однозначна. Все три страны инкорпорируют и советские, и антисоветские символы и отличаются их соотношением. В Армении, на официальном уровне не исключаящей советский период из перечня предшествующих современному государству политий, паритет соблюдается в большей степени. Азербайджан, за исключением значительного количества советских памятников, избавляется от советских символов. Грузия проводит активную антисоветскую символическую политику скорее по инерции, сохраняя советские символы на периферии и территории, и массового сознания.

Наконец, наиболее весомая, на наш взгляд, переменная – специфика повторения советского политического опыта в постсоветских странах. Насколько Советский Союз сохранился не в символах и памятниках, а в ежедневной практике? Парадоксальным образом страны, дискурсивно и символически избавляющиеся от советского наследия воспроизводят его в политическом процессе. В этом смысле Азербайджан, создавший очень серьёзный культ личности, осо-

¹⁶ Постсоветская Грузия была наиболее сложным многосоставным государством, в котором крупные национальные меньшинства (армяне и азербайджанцы) не входили в национальное лингвистическое пространство. Однако этот «языковой пейзаж» был бесконфликтно изменён посредством успешных образовательных и инфраструктурных реформ. Существующие неуспешные для национального строительства казусы (восприятие центральными властями в качестве сепаратистских проявлений желания перевести Библию на мингрельский) не вызывало серьёзных конфликтов.

бенно похожий не на сталинский, но на ленинский случай, в наименьшей степени является постсоветским.

Если мы берём на вооружение шкалу, на одном конце которой авторитаризм позднего СССР, а на другой – либеральная демократия, можно с уверенностью сказать, что все три страны отошли от одного полюса, не добрались до другого и прочно увязли где-то посередине, т.е. тезис о том, что логика транзита не линейна, а многовекторна, в очередной раз подтвердился. В институциональном смысле этой шкалы попросту не существует. Отдельные признаки демократического режима в Армении нивелируются практикой партийного строительства, в Грузии – формированием стратегического курса страны посредством закулисных процедур. Культ личности в Азербайджане очевидным образом повторяет советскую практику.

Постсоветские в географическом и темпоральном смысле, страны Южного Кавказа не стали подлинно постсоветскими в отношении внутренней политики, автоматически сохраняя черты советского политического режима, при этом в двух из трёх случаев значительно продвинувшись на пути демократизации. Дискурсивная и символическая борьба с советским наследием не затрагивает основы их строя, хотя оказывает значимое влияние на формирование национальных нарративов.

Список литературы

1. Караваев А. Русская речь и культура в странах СНГ (на примере Азербайджана): исследование фонда «Наследие Евразии» [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2015. № 101. URL: <http://ia-centr.ru/expert/874/> (дата обращения: 27.08.2017).
2. Маркедонов С.М. Праздники и памятные даты постсоветского Закавказья: история и политика [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2015. № 101. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6381> (дата обращения: 27.08.2017).
3. Aliyev H. Post-Communist Civil Society and the Soviet Legacy Challenges of Democratisation and Reform in the Caucasus. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 241 p.
4. Geukjian O. Ethnicity, Nationalism and Conflict in the South Caucasus. Routledge, 2016. 247 p.
5. Jankauskas A., Gudžinskas L. Reconceptualizing Transitology: Lessons from Post-Communism. Lithuanian Annual Strategic Review. 2007. Pp. 181-199.
6. Kuzio T. History, memory and nation building in the post-Soviet colonial space. // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2002. Vol. 30. No. 2. Pp. 241-264.
7. Kuzio T. Transition in Post-Communist states: Triple or Quadruple // Politics. 2001. Vol. 21 (3). Pp. 168-177. DOI: 10.1111/1467-9256.00148
8. Levitski S. Why «Democratic Breakthroughs» often fail to create democracies: Modes of Transition. [Электронный ресурс]. <http://www.sais-jhu.edu/academics/regional-studies/europe/conferences/countering-regression/pdf/lucan-way-background.pdf> (дата обращения 27.08.2017).
9. McFaul M. Transitions from Postcommunism // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. No. 3. Pp. 5-19.
10. Moore C.D. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // PMLA. 2001. Vol. 116. № 1. Pp. 111-128.
11. Schwarz H. A Companion to Postcolonial Studies. Blackwell Publishing Ltd. 2005. 632 p.
12. Tsygankov A.P. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // Communist and Post-Communist Studies. 2007. Vol. 40. No. 4. Pp. 423-439.
13. Ward A. Postcolonial Traumas: Memory, Narrative, Resistance. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 248 p.

14. Zakharov N., Law I. Post-Soviet Racisms New York: Palgrave Macmillan, 2015. 251 p.
15. Zurcher C. The Post-Soviet Wars: Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus. New York: New York university press, 2007. 289 p.

Об авторе:

Алексей Александрович Токарев – к.полит.н., старший научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

NEGATION, INCLUSION, GRADUAL OBLIVION: STATE STRATEGIES ON SOVIET HERITAGE IN GEORGIA, ARMENIA AND AZERBAIJAN

A.A. Tokarev
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-60-80

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: In the year of 100th anniversary of the October Revolution, the author turns to the question of the Soviet heritage influence on nation- and state-building processes in three countries of the South Caucasus – Azerbaijan, Armenia and Georgia. The article postulates clear differences between the study of postcolonialism and the post-Soviet space, and therefore the author presents his own operationalization of the “imperial heritage” study.

The countries of the South Caucasus are compared based on the following criteria: a number of ethnic Russians as the main constituent of the Soviet people living in the country; a status of the Russian language; national symbols (statutes, architecture, Soviet state symbols, the hierarchy of military ranks), and political practices (functioning of the party systems, type of sovereignty, degree of freedom of speech and political competition).

Studying Azerbaijan, Armenia and Georgia differently coming out of the USSR and using the disintegration of the USSR to construct their national narratives in accordance with their own ideas about the ways of development, the author finds a repetition of the Soviet system elements.

Each of the states demonstrates a unique combination of “post-Soviet Soviet” phenomena. The difference lies in the ratio between pro-Soviet and anti-Soviet elements.

Azerbaijan seems to maintain a pro-Soviet narrative more than the others. It inherited the Soviet cult of personality and combined this practice with a completely non-Soviet (Eastern) tradition of political dynasties covered by the election system.

The Armenian political tradition includes reference to Soviet Armenia as the Second Republic, which distinguishes the country from the neighbors who consider themselves to be the successors of the democratic republics that emerged during the Civil War in Russia. Despite competitive elections and free media, the Armenian leadership seeks to establish a political system with a single dominant party and formally maintain electoral competition. This conjunction of Soviet symbols (Armenia did not carry out systematic decommunization) and political practices is oddly mixed with the image of Garegin Nzhdeh as “the father of nation”, a person who was accused in the USSR for collaborating with the Third Reich.

Georgia tries to part with the Soviet Union to the maximum extent at a symbolic level, has made great progress in building formal democratic institutions, but in reality it is still managed through informal procedures, to which discursive and symbolic decommunization did not affect in principle. Discursive and symbolic decommunization had no impact on the way this country is ruled.

The study is based on the data from national censuses, sociological studies, texts of official documents and, especially, the invaluable experience of the included observation of symbolic politics in all three countries.

Key words: the collapse of the USSR, the Soviet state and nation-building, Armenia, Azerbaijan, Georgia.

References

1. Karavaev A. Russkaja rech' i kul'tura v stranah SNG (na primere Azerbajdzhana): issledovanie fonda «Nasledie Evrazii» [Russian speech and culture in the CIS countries (on the example of Azerbaijan)]. *Neprikosnovennij Zapas*, 2015, no. 101. Available at: <http://ia-centr.ru/expert/874/> (accessed 27.08.2017). (In Russian).
2. Markedonov S. Prazdniki i pamjatnye daty postsovetskogo Zakavkaz'ja: istorija i politika [Holidays and memorable dates of post-Soviet South Caucasus: history and politics] // *Neprikosnovennij Zapas*, 2015, no. 101. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/6381> (accessed 27.08.2017). (In Russian).
3. Aliyev H. *Post-Communist Civil Society and the Soviet Legacy Challenges of Democratisation and Reform in the Caucasus*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2015. 241 p.
4. Geukjian O. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in the South Caucasus*. Routledge Publ., 2016. 247 p.
5. Jankauskas A., Gudžinskas L. Reconceptualizing Transitory: Lessons from Post-Communism. *Lithuanian Annual Strategic Review*, 2007, pp. 181-199.
6. Kuzio T. History, memory and nation building in the post-Soviet colonial space. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 2002, vol. 30, no. 2, pp. 241-264.
7. Kuzio T. Transition in Post-Communist states: Triple or Quadruple. *Politics*, 2001, vol.21, no. 3, pp. 168-177. DOI: 10.1111/1467-9256.00148
8. Levitski S. Why «Democratic Breakthroughs» often fail to create democracies: Modes of Transition. Available at: <http://www.sais-jhu.edu/academics/regional-studies/europe/conferences/countering-regression/pdf/lucan-way-background.pdf> (accessed 27.08.2017).
9. McFaul M. Transitions from Postcommunism. *Journal of Democracy*, 2005, vol. 16, no. 3, pp. 5-19.
10. Moore C.D. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. *PMLA*, 2001, vol. 116, no. 1, pp. 111-128.
11. Schwarz H. *A Companion to Postcolonial Studies*. Blackwell Publishing Ltd. 2005. 632 p.
12. Tsygankov A.P. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World. *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, vol. 40, no. 4, pp. 423-439.
13. Ward A. *Postcolonial Traumas: Memory, Narrative, Resistance*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2015. 248 p.
14. Zakharov N., Law I. *Post-Soviet Racisms*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2015. 251 p.
15. Zurcher C. *The Post-Soviet Wars: Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus*. New York, New York university press Publ., 2007. 289 p.

About the author:

Alexey A. Tokarev – Senior Research Fellow of the Center for Global Problems of the International Research Institute MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.